

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

УНИВЕРСИТЕТ ТУРИНА

На правах рукописи

МАТОС ФРАНКО РАЙНЕР МАРИЯ

**СУД НАД КОНРАДИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ
СЕКЦИИ ЛИГИ БОРЬБЫ С III-М ИНТЕРНАЦИОНАЛОМ,
1923-1924 ГГ.**

Резюме диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научные руководители:

Борисова Татьяна Юрьевна,
кандидат исторических наук, PhD

Нуньес Сейшас Шосе Манозель, PhD

Санкт-Петербург, Турин – 2024

Общая характеристика работы

Работа выполнена в Аспирантской школе по историческим наукам Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Научные руководители: Борисова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, PhD. Нуньес Сейшас Шосе Манозель, PhD.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

10 мая 1923 года в ресторане отеля «Сесиль» в Лозанне русский эмигрант и швейцарский подданный Мориц Конради застрелил советского делегата на Лозаннской конференции, Вацлава Вацлавовича Воровского. Воровский, тогда занимавший должность советского торгового представителя в Италии, скончался мгновенно от выстрела в голову с близкого расстояния. Его дипломатические помощники, Иван Аренс и Максим Дивилковский, были ранены пулями Конради, которые он намеренно заточил, чтобы «причинить больше боли». После совершения преступления Конради терпеливо ожидал своего ареста. Он сообщил полиции, что действовал из чувства мести, поскольку «красные собаки» (большевики) казнили его дядю в Петрограде в 1918 году, а год спустя допустили голодную смерть его отца. Текст исповеди Конради, найденной в его гостиничном номере, заканчивался словами: «Я счастлив, потому что я оказал обществу небольшую услугу. Да поможет мне Бог».¹ Вскоре полиция выяснила, что у Конради был сообщник – Аркадий Полунин, бывший сослуживец Добровольческой армии во времена Гражданской войны в России. Полунин, тогдашний секретарь (эмигрантского) Российского Общества Красного Креста в Женеве, был арестован после того, как было доказано, что он предоставил Конради пистолет и средства на поездку из Цюриха в Лозанну для

¹ Конради М. «Traduction de la déclaration de M. Conradi, assassin du diplomate russe V. Vorovski à Lausanne. Courte autobiographie du « Suisse-Russe » né à St. Pétersbourg et explications des motifs de son action». Список документов «Diplomatic Documents of Switzerland, 1848-1975» (Dodis). URL: <https://dodis.ch/48619> (дата обращения: 10.12.2019).

совершения преступления. Более того, именно Полунин предложил Воровского в качестве цели для атаки.

Эти сложные обстоятельства привели к очень запутанному юридическому делу, которое немедленно приобрело политический характер. Поскольку швейцарское правительство не рассматривало советское правительство как потерпевшую сторону в этом процессе, советское полпредство в Берлине направило свою линию обвинения на доказательство более широкого заговора с целью убийства Воровского, в котором предположительно участвовали монархические активисты в российской эмиграции. Обвинение даже предполагало, что швейцарское правительство и державы Антанты давали попустительство этим действиям. Судебное заседание проходило в отсутствие истцов, включая раненых Аренса и Дивилковского, а также вдову Воровского, Дору, и их дочь Нину. Их представляли четыре адвоката: Жак Дикер (российский еврей, получивший гражданство Швейцарии), Семен Членов (российский адвокат, присланный из Москвы специально по этому случаю), Франц Вельти (лидер небольшой Швейцарской коммунистической партии) и Пол Маньена (женевский юрист Радикальной партии). Каждый из них занимался защитой, реагируя на обвинения и провокации, стараясь представить советский режим в «нормальных» терминах (битва, проигранная с самого начала, как мы увидим), избегая при этом прямого обсуждения убийства.

Напротив, стратегия защиты, фактически предпринятая видными русскими эмигрантами во главе с Александром Ивановичем Гучковым, заключалась в использовании международного внимания, привлеченного к этому делу, для разоблачения и осуждения большевизма как системы правления и его преступлений. Защита полностью оправдывала убийство Воровского, указывая на многочисленные страдания, перенесенные русским народом под большевистским игмом в предшествующие пять лет (1917–1923). В этом контексте Конради и Полунин рассматривались как простые «мстители», которые осуществили особый вид правосудия, подобное которому нельзя было обнаружить ни в одном отечественном или зарубежном суде того времени.

Проходивший в просторном *Casino de Montbenon*, чтобы вместить значительное количество заинтересованной общественности, а также местных и иностранных журналистов,² суд породил огромный скандал и привлек широкое международное внимание. То, что должно было стать судом над одним человеком за убийство другого, превратилось в гиперболизированные, страстные одиннадцатидневные дебаты о самых разнообразных темах: коммунизме, пределах дипломатии, «цивилизации», русской революции и гражданской войне, статистике, числе погибших, атеизме, процессуальной справедливости, религии, экономических системах, евреях, политической пропаганде, мученичестве, терроризме, советской «социализации женщин» и «извращении молодежи», использовании насилия ради общего блага, ВЧК, истории и политике Швейцарии, национализме, коррупции (как моральной, так и экономической), Первой мировой войне, политике союзников, разрушении империи, многонациональных и национальных государствах и даже о раннем фашизме. В сущности, впервые в истории множество клише, которые коммунизм и антикоммунизм имели друг о друге, столкнулись в одном зале за пределами России.³ Семен Членов, адвокат, отправленный из Москвы в Лозанну по этому случаю, в своем заявлении назвал Лозаннский процесс одним из «заключительных кровавых эпизодов в той гигантской борьбе, в той ожесточенной гражданской войне, через которую прошла за последнее время Россия».⁴

Стратегия защиты основывалась на принципе «обратной вины». Были ли Конради и Полуниин виновными? Из девяти присяжных, пятеро ответили - «да», четыре - «нет». Согласно Уголовному кодексу швейцарского кантона Во, это был случай «благоприятного меньшинства» (*minorité de faveur*): моральное осуждение, но, при этом, что удивительно, оправдание подсудимых (для осуждения требовалось большинство в шесть голосов против трех). Таким образом, 16 ноября 1923 года Конради и Полуниин были признаны присяжными Лозанны невиновными и

² Восемьдесят пропусков в суд были розданы как местным, так и международным пресс-агентам. Коммунистические агентства, такие как советская Роста или французская газета *L'Humanité*, были запрещены (Gattiker A. *L'affaire Conradi*. Bern: H. Lang, 1975. P. 109, 270, n. 9).

³ Предшественником, хотя и более узким по идеологическому охвату, был Московский процесс социалистов-революционеров летом 1922 года. Я благодарю доктора Альберто Масоэро за то, что он обратил мое внимание на это обстоятельство.

⁴ Членов С.Б. Речь по делу об убийстве В. В. Воровского. М.: Главлит, 1923. С. 3.

немедленно оправданы, что вызвало международный резонанс. Если оставить в стороне формальности, стратегия защиты в Лозанне успешно следовала своей логике: после оправдания Конради и Полунина большевизм как таковой стал настоящим преступлением, подлежащим судебному преследованию, в отличие от действий убийцы и его сообщника.

В этом заключалась суть того, что современники по-французски называли «Процесс Конради» (*Le procès Conradi*) или, чаще по-русски, «Лозаннский процесс». В данной работе будет использоваться именно этот термин. В своей диссертации я постараюсь сохранить Лозаннский процесс от забвения в его столетнюю годовщину и вернуть ему заслуженное место среди великих политических процессов XX века. В этом смысле, Лозаннский процесс имел такое же значение для формирования антикоммунистического дискурса, как и прошедший ранее суд над Согомоном Тейлиряном (1921 г.) для осуждения и последующего изучения Геноцида армян, так же как суд над Шулимом Шварцбурдом (1927 г.) в контексте «еврейского вопроса» и нацизма или суд над Адольфом Эйхманом (1961 г.) в период первых серьезных дебатов о Холокосте.

Центральный аргумент настоящей диссертации заключается в том, что Лозаннский процесс был одновременно как пунктом прибытия, так и отправной точкой глобального антикоммунистического дискурса. Стратегия защиты, разрабатывавшаяся в ходе подготовки к суду, заключалась в тщательном выборе (и отклонении) свидетелей, доказательств и документов, опираясь на антикоммунистический дискурс, разрабатывавшийся на всем протяжении предшествовавших пяти лет (1917–1923 гг.). Этот дискурс, в том числе, содержался в обращении женевого ультраконсерватора Теодора Обера, который защищал Полунина. Его речь, составленный при поддержке горстки русских эмигрантов (без ведома суда), стал значимым историческим документом, суммировавшим основные положения транснационального антикоммунизма с 1917 года. Обер процитировал более 150 источников, как печатных, так и неопубликованных, включая отчеты, брошюры, документы, статистические данные и свидетельства очевидцев о большевистских «зверствах». Неудивительно, что его девятичасовая речь в суде, по мнению нескольких источников, стала наиболее захватывающим моментом всего

процесса. Приведу лишь одну цитату британского обозревателя *The Daily Telegraph*: «Документация г-на Обера была огромной, возможно, слишком обширной, и если даже десятая часть из того, что он раскрыл, верна, то никакие слова не будут достаточными для осуждения советского режима».⁵

После оправдания Конради и Полунина, Обер и помогавшие ему русские эмигранты стремились максимально использовать свою победу в суде, рассматривая Лозаннский процесс как лишь начало нового этапа борьбы цивилизованного мира против коммунистической угрозы. Этот процесс стал важной вехой к определению новой концепции глобальной антикоммунистической борьбы, определению врага, сущности борьбы и, прежде всего, методов ее проведения. Опираясь как на ранее существовавшие транснациональные сети, так и на новые сети, образовавшиеся благодаря этому процессу, Обер основал в июне 1924 г. «*Entente Internationale Anticommuniste*» или ЕИА (на французском языке; на русском обычно «Лига борьбы с III-м Интернационалом» или чаще «Лига Обера», название, используемое далее в этом резюме). Эта организация в конечном итоге стала, как отметил Маркку Руотсила, «первой и самой важной попыткой между двумя мировыми войнами преодолеть внутренние разногласия среди правых антикоммунистов и координировать их действия через национальные границы».⁶ Несомненно, как свидетельствуют историография и архивные источники, Лига Обера была самой амбициозной антикоммунистической организацией межвоенного периода, оказав значительное влияние на последующие национальные, международные и транснациональные антикоммунистические движения. Как я также покажу, вклад русских эмигрантов в повседневную деятельность Лиги Обера оказался решающим для развития организации. Таким образом, в данной диссертации прослеживается длинный континуум между развитием антикоммунистических дискуссий, Лозаннским процессом 1923 года и созданием Лиги Обера, с особым акцентом на истории ее малоизученной русской секции и последующим широким организационным вкладом русских эмигрантов в этот ранний этап развития глобального антикоммунизма.

⁵ The Daily Telegraph. 15.11.1923 г. P. 16.

⁶ Ruotsila M. International Anti-Communism before the Cold War: Success and Failure in the Building of a Transnational Right // *New Perspectives on the Transnational Right*. Под науч. ред. М. Durham, М. Power. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 26.

Таким образом, Лозаннский процесс оказывается на стыке дипломатической, правовой, политической, социальной историй, истории диаспор, российской, советской и глобальной историй. Нечасто удается уловить суть эпохи, анализируя только одно событие. Лозаннский процесс имеет особое значение, поскольку он кристаллизовал все тревоги, существовавшие в период сразу после Первой мировой войны в одном конкретном кейсе, сконцентрировав их в течение одиннадцати дней. Меня в первую очередь интересует анализ этого процесса с нескольких точек зрения, что поспособствует более глубокому пониманию ряда затронутых процессом областей. Важно понять, что Лозаннский процесс может нам сказать о событиях 1923 года в Европе; о новом понимании морали, нашедшем выражение в судах после Первой мировой войны; о возникновении организованных глобальных антикоммунистических сетей; а также о конкретных случаях и методах антикоммунистической борьбы. Я утверждаю, что и советская, и русская эмигрантская реакция, влияние эмигрантов на ход этого процесса должны быть рассмотрены с глубочайшим вниманием. Позиции СССР и эмигрантских кругов в отношении этого дела содержат определенные элементы, которые ускользали от внимания исследователей ранее, но теперь, благодаря детальному изучению судебного процесса, выходят на первый план.

Степень научной разработанности темы

Лозаннский процесс и Лига Обера представляют собой малоизученные темы. Первые работы по Лозаннскому процессу появились непосредственно после завершения процесса. На протяжении 1920-х и начала 1930-х годов в СССР публиковались книги и брошюры с острой критикой оправдательного приговора, которые содержали более аналитический подход, чем большинство европейских сочинений того времени. В течение нескольких недель после окончания процесса единственный советский адвокат обвинения, Семен Членов, опубликовал свою лозаннскую речь в Москве в значительном тираже — 5000 экземпляров.⁷ Выступление Членова было значительно отредактировано перед публикацией, при этом из текста были исключены параллели,

⁷ Членов С.Б. Речь по делу об убийстве В. В. Воровского. М.: Главлит, 1923. С. 3.

проводимые автором между русской и французской революциями, а также высказывания лидеров эсеров и меньшевиков о Гражданской войне и самом Лозаннском процессе (как показано в Приложении 1). В следующем году Членов опубликовал собственный анализ процесса, став первым, кто выделил Александра Гучкова как главную фигуру, «ответственную» за работу защиты.⁸ Поскольку эта книга не упоминалась в более поздней западной литературе, о важной роли Гучкова в Лозаннском процессе историки забыли почти на столетие.

Второе исследование Лозаннского процесса было опубликовано бывшим соратником Гучкова по Союзу 17 октября, юристом Александром Владимировичем Бобрищевым-Пушкиным, под названием «Война без перчаток» в 1925 г.⁹ Эта работа выделяется как политическая брошюра одного из первых членов движения «Смена вех», участники которого выступали за примирение и сотрудничество с Советской Россией. Бобрищев-Пушкин, стремясь вернуть себе расположение в СССР, написал книгу как своего рода искупление за свои «прошлые грехи» после недавнего возвращения из изгнания. Книга помещает убийство Воровского в контекст сенсационных политических убийств в Европе того времени, а также различных форм «белого террора» в таких странах, как Венгрия, Финляндия или Болгария. В последующие годы Лозаннский процесс лишь вскользь упоминался в советской историографии, когда речь заходила о политических убийствах, следуя общей идее Бобрищева-Пушкина о смещении деятельности русской эмиграции, в основном монархистов, в сторону индивидуального террора,¹⁰ вступая тем самым в «войну без перчаток». В литературе, выпущенной с того времени, биографии Воровского, несмотря на их информативность относительно личности дипломата, превратились в панегирики, наполненные описанием деталей его жизни.¹¹

⁸ Членов С.Б. Убийство В. В. Воровского и буржуазное правосудие. Харьков: Путь Просвещения, 1924.

⁹ Бобрищев-Пушкин А.В. Война без перчаток. Ленинград: Кубуч, 1925.

¹⁰ См. Михайлов Е.А. Белогвардейцы поджигатели войны. М.: Партиздат, 1932 и Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М.: Партиздат, 1932.

¹¹ Бонч-Бруевич В.Д. На славном посту. Памяти В. В. Воровского (по личным воспоминаниям). М.: Жизнь и знание, 1923; Ганецкий Я.С. В.В. Воровский. Биографический очерк. М.: Госиздат, 1925; Калашникова В. В. В. Воровский. М.: Новая Москва, 1927; Пияшев Н.Ф. Воровский. М.: Молодая Гвардия, 1959; Верховцев И.П. На службе у пролетариата (о В. В. Воровском). М.: Госполитиздат, 1960;

В 1970-х годах интерес к Лозаннскому процессу возродился благодаря выпуску первого всестороннего исследования, представленного в книге швейцарской юристки Аннетты Гаттикер, «Дело Конради» (1975). Эта работа содержит острую юридическую и политическую критику в отношении хода Лозаннского процесса, проведенную швейцарскими политическими и судебными властями. Основываясь на широком спектре источников, особенно на материалах швейцарских архивов и современной европейской прессе, Гаттикер, опираясь на широкий спектр источников, особенно на материалы швейцарских архивов и тогдашней европейской прессы, представила нюансированную картину судебного процесса, и я ссылаясь на ее исследование в своей диссертации, когда это было необходимо. Однако, у работы Гаттикер существуют две слабые стороны. Во-первых, автор не использует русскоязычные источники, за исключением нескольких советских газет (*Правда, Известия*), переиздававшихся в Европе. Речь идет не только о советских архивных материалах, что объяснимо, поскольку доступ к ним в то время был крайне затруднен, но и о русских эмигрантских источниках из архивов США. Тем не менее, заслуга Гаттикер состоит в том, что она взяла интервью у одного из ключевых участников Лозаннского процесса и Лиги Обера, доктора Юрия Лодыженского, начальника Полунина в офисе Российского общества Красного Креста (РОКК) в Женеве, который ко времени интервью был уже в преклонном возрасте. Второй недостаток исследования Гаттикер, который, безусловно, является наиболее серьезным, заключается в том, что время от времени автор слишком вольно интерпретирует источники. Такой путь заставляет Гаттикер принимать на веру сообщения, достоверность которых в дальнейшей историографии была подвергнута сомнению, и преувеличивать возможности эмигрантских объединений, вплоть до попадания в анахроничные ловушки, такие как идея о вовлеченности Русского обще-воинского союза (РОВС) в убийство Воровского, тогда как в рассматриваемое время сама организация еще не существовала.¹² В третьей главе я рассмотрю эту и другие теории заговора, о которых пишет Гаттикер и некоторые историки. Как я утверждаю, нет убедительных доказательств наличия какого-либо плана убийства Воровского, кроме

Жуковский Н. Посол нового мира. О жизни, революционной, литературной, научной и дипломатической деятельности В.В. Воровского. М.: Политиздат, 1978.

¹² РОВС был основан только в сентябре 1924 года, спустя более года после убийства Воровского.

плана Конради и Полунина. В связи с этим, Гаттикер внесла коррективы в собственные построения некоторые детали и предоставила более актуальную (пере)интерпретацию предмета в статье, написанной совместно с Мишелем Кайя в 2009 году.¹³

Вторым комплексным исследованием Лозаннского процесса появилось в начале 1980-х годов. Это – «Убийство в Швейцарии» американского историка Альфреда Сенна.¹⁴ Сенн, бесспорный авторитет в вопросах швейцарско-российских и швейцарско-советских отношений,¹⁵ использовал в своей работе русскоязычные источники из АГИ и архива Бахметева в Колумбийском университете. Он дополнил лакуны в труде Гаттикер, более широко рассмотрел европейский и советский контекст Лозаннского процесса. В книге историка представлено, вероятно, лучшее и наиболее краткое описание процесса, которое можно найти в литературе на сегодняшний день. Сенн акцентировал внимание на некоторых аспектах, уже рассмотренных Гаттикер, развивая их далее для построения собственной аргументации. Одним из таких аспектов являлось выведение на первый план церковных преследований в СССР, включая казнь 31 марта 1923 г. польского католического прелата Константина Будкевича, совершенную после ноты «ультиматума» Керзона, направлена советскому правительству 8 мая 1923 г. и, также по поводу преступления Конради, как последний заявил о себе в своей «Исповеди».¹⁶ Другой момент, в отношении которого Сенн предлагает новую интерпретацию — это риторика Лозаннского процесса «Мы против них» («водуа» [то есть, жители кантона Во] против «большевиков»). Однако, к сожалению, Сенн (в отличие от Гаттикер, историк по специализации), чаще нее, подобно автору романов, стремится проникнуть в сознание персонажей, что не

¹³ Caratsch A. Caillat M. L'assassinat de Vorovsky et le procès Conradi // Histoire(s) de l'anticommunisme en Suisse / Geschichte(n) des Antikommunismus in der Schweiz. Под науч. ред. M. Caillat, M. Cerutti, J.-F. Fayet, S. Roulin. Zurich: Chronos, 2008. P. 109-130.

¹⁴ Senn A. E. Assassination in Switzerland. The Murder of Vatslav Vorovsky. Madison: The University of Wisconsin Press, 1981.

¹⁵ См. Senn. A. E. Hartmann N. Les révolutionnaires russes et l'asile politique en Suisse avant 1917 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1968. Vol. 9, No. 3-4. P. 324-336; Senn A. E. The Russian Revolution in Switzerland, 1914-1917. Madison: The University of Wisconsin Press, 1971; Senn A. E. Diplomacy and Revolution. The Soviet Mission to Switzerland, 1918. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1974; Senn A. E. The Soviet Union's Road to Geneva, 1924-1927 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1979. Vol. 27, No. 1. S. 69-84.

¹⁶ Conradi. Traduction. P. 3.

соответствует его предыдущим работам и основам научной строгости. Наиболее заметным результатом такого подхода является отсутствие цитирования источников Сенном, а лишь предоставление «библиографического очерка», разбитого по главам, в конце книги. Более того, иногда явно видно, что Сенн перефразирует Гаттикер почти дословно, до такой степени, что она и по сей день заявляет о плагиате.¹⁷

Помимо работ Гаттикер и Сенна, на текущий момент нет других исследований, которые были бы полностью посвящены Лозаннскому процессу, за исключением краткой бакалаврской работы, выполненной Антуаном Перро в Университете Лозанны в 2020 году, в которой затрагиваются юридические аспекты этого дела.¹⁸ Тем не менее, в нескольких других исследованиях Лозаннский процесс упоминается кратко, особенно в советских монографиях, посвященных «эмигрантскому активизму». Интерес к этой теме в советской историографии вновь появился в 1980-е годы, когда советская историография, ввиду политических реформ в СССР, начала исследовать забытый мир «русского зарубежья». Новаторская книга Леонида Шкаренкова «Агония белой эмиграции», впервые опубликованная в 1981 году, на протяжении десятилетия претерпевала различные переиздания (каждое из которых было более «открытым», чем предыдущее), что показывает влияние поздних советских реформ на растущую свободу академической литературы. В издании 1987 года, уже цитирующем книгу Сенна, Лозаннский процесс занимает несколько страниц и впервые в советской историографии связывается с созданием Лиги Обера.¹⁹ Также в 1981 году появился «Профессиональный антикоммунизм» Эрнста Генри,²⁰ который посвящает более 200 страниц в меньшей мере судебному процессу, и в гораздо большей – Лиге Обера и ее международной деятельности в различных государствах. Работа Генри важна тем, что в ней исследуется малоизвестная литература по теме, вырезки из прессы на нескольких языках. К сожалению, несмотря на это, Генри не ссылается на архивные документы и, наравне с рядом других авторов, попадает в

¹⁷ Личный разговор с Аннеттой (Гаттикер) Карач. 27 апреля 2021 г.

¹⁸ Perrot A. L'affaire Conradi, un acquittement douteux rendu possible par la minorité de faveur. Lausanne. Université de Lausanne, 2020. P. 19.

¹⁹ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М.: Мысль, 1987. С. 59-60.

²⁰ Генри Э. Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения. М.: Издательство Политической Литературы, 1981.

конспирологические ловушки. Однако следует отметить, что исследование Генри стало первым и единственным русскоязычным исследованием упомянутой организации, причем весьма полным, с учетом доступных на тот момент источников (архив Лиги Обера в Женевской городской библиотеке был засекречен до 1991 года).²¹

Тенденция акцентирования внимания на эмигрантском активизме сохранялась в российской историографии в 1990-е и 2000-е годы. Кирилл Чистяков пролил свет на Лозаннский процесс с точки зрения эмигрантского террора и выразил признательность бывшему эсеру-эмигранту Владимиру Бурцеву, как это сделал ранее Бобрищев-Пушкин,²² за то, что Бурцев проложил путь к этой теме. Чистяков полагал, что идея «осудить большевизм» появилась у Бурцева в январе 1922 года, в преддверии Генуэзской конференции (апрель-май 1922 года). Эта идея позже была материализована Александром Гучковым путем убийства Воровского в разгар Лозаннской конференции. Чистяков также анализировал деятельность Воровского во время его пребывания на посту советского представителя в Стокгольме (1917-1919) и рассматривал Лозаннский процесс через призму репортажа, опубликованного писателем Михаилом Арцыбашевым в варшавской эмигрантской газете «*За свободу!*».²³ Как показывает данная диссертация, Арцыбашев был одним из тех, к кому обратился Гучков с просьбой представить свидетельские показания о «зверствах» большевиков. Показания Арцыбашева были перефразированы Обером в его речи на суде в Лозанне.

В течение последних двух десятилетий произошел значительный прорыв с точки зрения выявления источников по истории Лиги Обера, в основном благодаря трудам швейцарских историков. Стефани Рулен внесла вклад в историографию, добавив религиозное измерение к исследованию межвоенного транснационального антикоммунизма через анализ Комиссии *Pro Deo*,²⁴ вспомогательной организации

²¹ Об истории открытия архива см.: Caillat M., Cerutti M., Fayet J.-F., Gajardo J. Une source inédite de l'histoire de l'anticommunisme : les archives de l'Entente internationale anticommuniste de Théodore Aubert (1924-1950) // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2004. No. 73. P. 25.

²² Бобрищев-Пушкин А.В. *Война без перчаток*. С. 72.

²³ Чистяков К.А. *Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма»: 1918-1938 гг.* М. Ипполитова, 2000. С. 1-25, 93-98.

²⁴ Roulin S. *Un Credo anticommuniste. La Commission Pro Deo de l'Entente internationale anticommuniste ou la dimension religieuse d'un combat politique (1924-1945)*. Lausanne: Antipodes, 2010.

Лиги Обера. Эта работа также затронула многие темы, упомянутые в данной диссертации.

Однако ни одно из исследований Лиги Обера не заслуживает более высокой оценки, чем исследование Мишеля Кайя. В трех статьях (одна из которых написана в соавторстве)²⁵ и одной книге объемом около 800 страниц, «*Entente Internationale Anticomuniste* Теодора Обера»,²⁶ написанной по итогам 15 лет исследований в Женевском архиве Лиги Обера и других архивах, Кайя стал единственным исследователем, со всей тщательностью изучившим историю этой организации. Как никто другой, Кайя представил впечатляющий анализ возможностей и ограничений Лиги Обера по всему миру на протяжении всего ее существования (1924-1950). Возможно, единственный упрек Кайя — отсутствие цитирования им русскоязычных документов в его обширном исследовании, тогда как много русскоязычных источников хранится в архиве Лиги Обера, либо в Русском отделе, либо в отделе Постоянного Бюро организации; можно было бы изучить и переписку сотен русских эмигрантов за границей. Моя диссертация преодолевала этот языковой барьер и ввела в научный оборот многие из этих документов.

Помимо работы «Война без перчаток» Бобрищева-Пушкина из 1925 года, только в нескольких недавних публикациях признается роль Александра Гучкова в качестве ключевого представителя защиты в Лозаннском процессе. Из них два — мемуары, а третья — краткая статья. Первые из этих двух мемуаров принадлежат доктору Юрию Ильичу Лодыженскому,²⁷ начальнику Полунина и связующему звену между Гучковым и Обером на протяжении всего Лозаннского процесса. Книга Лодыженского, ставшая широко известной до своего первого издания на русском в 2007 году благодаря хранению различных рукописных версий в американских и

²⁵ Caillat M. и др. Une source inédite. P. 25-31; Caillat M. L'Entente Internationale Anticomuniste de Théodore Aubert et ses archives // *Traverse. Zeitschrift für Geschichte/Revue d'Histoire*. 2006. No. 13. P. 12-18; Caillat M. Théodore Aubert and the Entente Internationale Anticomuniste: An Unofficial Anti-Marxist International // *Twentieth Century Communism*. 2014. No. 6. P. 82-104.

²⁶ Caillat M. L'Entente internationale anticommuniste de Théodore Aubert. Organisation interne, réseaux et action d'une internationale antimarxiste. Lausanne: Société d'Histoire de la Suisse Romande, 2016.

²⁷ Французская версия: Lodygensky G. Face au communisme, 1924-1950. Quand Genève était le centre du mouvement anticommuniste international. Genève: Slatkine, 2009. Русская версия: Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с Коминтерном. 2^е изд. М.: Айрис-Пресс, 2013.

европейских архивах (цитируемые например Гаттикер и Сенном), незаменима для понимания Лозаннского процесса, истории антикоммунистической деятельности русской эмиграции и Лиги Обера, поскольку Лодыженский стал заместителем руководителя (Обера) в структуре организации. В своих мемуарах Лодыженский отмечал, что с Гучковым они обсуждали всю стратегию защиты с точки зрения доказательств, свидетелей, пропаганды и финансирования, намекая на центральную роль последнего в Лозаннском процессе.²⁸ К сожалению, некоторые исследования, ссылаясь на мемуары Лодыженского, пренебрегали этим важным утверждением. Вторые мемуары принадлежат генералу-эмигранту Павлу Николаевичу Шатилову и широко цитировались в рукописном варианте задолго до их публикации в виде книги в 2017 году.²⁹ Благодаря нескольким страницам воспоминаний Шатилова, написанным, начиная с конца 1940-х годов, прояснились многие детали Лозаннского процесса. Шатилов также указывал на Гучкова как на главного организатора стратегии защиты, тем самым совпадая в оценке роли Гучкова с Лодыженским.³⁰ В недавней статье российского историка Андрея Ганина, опубликованной в 2019 году, Гучков также признается как главная сила, стоящая за защитой. Данная тема будет рассмотрена более подробно в третьей главе, где отмечается, что Гучков «торопил» публикацию классической книги Сергея Петровича Мельгунова «Красный террор в России» (1923) с целью направить в нужное русло импульс, данный после оправдательного приговора. Ганин критикует Мельгунова в свою очередь за ошибки последнего и исторические неточности, поскольку книга изначально задумывалась как «политическое заявление», учитывая ее статус судебного свидетельства (как будет отмечено далее, Гучков обратился к Мельгунову для предоставления свидетельств в Лозанне).³¹

Лозаннский процесс был лишь поверхностно затронут в других исследованиях, которые почти не привнесли ничего нового, иногда лишены формальности или даже

²⁸ Лодыженский. От Красного Креста. С. 243-244.

²⁹ Шатилов П.Н. Записки. Т. 2. Ростов-на-Дону: Альтаир—Фонд им. Священника Илии Попова, 2017.

³⁰ Там же. С. 211-213, 235-236.

³¹ Ганин А. «Красный террор» в черно-белом изображении // Родина. 2019. № 7. С. 126-129.

исторической точности.³² Первая биография Конради на русском языке, что само по себе является значимым вкладом, была опубликована в 2023 году Даниилом Клименко, вероятно, ко столетнему юбилею дела. Книга компактна (72 страницы, из которых только 43 текста), и она также не вносит много нового в историографическую дискуссию и часто напоминает панегирик главному герою повествования, изобилующий множеством анекдотов и сенсационных заявлений. Например, в книге предполагается (без доказательств) «возможность» того, что Конради был «убит», а не умер естественной смертью.³³

В качестве наглядного примера сенсационного подхода в менее серьезной литературе по Лозаннскому процессу следует особо упомянуть очень неточную книгу Аркадия Ваксберга, первоначально опубликованную на французском языке в 2007 под названием «Лаборатория ядов».³⁴ Помимо того, что Ваксберг не цитирует свои источники и не делает сносок, а ограничивается некоторой библиографией в конце текста, он утверждает, что Воровский был убит по приказу Сталина. Утверждается, что Сталин намеревался сделать СССР «жертвой» этого дела с целью консолидировать собственную власть как советского вождя. Никаких источников, подтверждающих это, не приводится. По мнению Ваксберга, Полуниин был секретным советским агентом, «внедрившимся» в «швейцарский» Красный Крест (т.е. не в Российское Общество Красного Креста в Женеве, как было в действительности). Первоначально эта теория, как пишет Ваксберг, принадлежала некоему Александру Серебряникову, «историку», исследования которого «не принесли того эффекта, которого они заслуживают».³⁵ При этом фамилия «Серебряников» даже не значится в

³² Драгунов Г.П. Новые факты о гибели В. В. Воровского // Международная Жизнь. 1989. № 4. С. 130-131; Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Воинские организации русского зарубежья после Второй Мировой Войны. М.: Гриф и К, 2008. С. 151-157. Грезин И. Убийство Воровского и процесс Конради: жертвы, палачи и герои // Наша Газета. 18.01.2012. URL: <https://nashagazeta.ch/news/12653> (дата обращения: 26.12.2019); Стоева Г. Последна вечеря за Вацлав Воровски и последствията от неговото убийство – антиболшевиизмът като «бял интернационализъм» // Анамнеза. 2019. XIV, вып. 3. С. 20-30.

³³ Клименко Д.Ю. Морис Морисович Конради. Исторический очерк. Запорожье: Статус, 2023.

³⁴ Vaksberg A. Le laboratoire des poisons. De Lénine à Poutine, пер. Luba Jurgenson. Paris: Buchet/Chastel, 2007. Книга была переведена на английский язык как Vaksberg A. Toxic Politics. The Secret History of the Kremlin's Poison Laboratory—from the Special Cabinet to the Death of Litvinenko, пер. Paul McGregor. Santa Barbara: Praeger, 2011. В отличие от всех предыдущих работ Ваксберга, на русском языке книга так и не вышла.

³⁵ Vaksberg. Laboratoire. P. 30.

библиографии Ваксберга.³⁶ Ваксберг утверждает, что Сталин приказал отравить Полунина, когда он находился в поезде во французском городе Дре в 1933 году: это утверждение ничем не подтверждается.³⁷ Текст содержит множество ошибок, таких как неверное упоминание Полунина как «Александра» вместо «Аркадия». Вопреки ничем не подтвержденным догадкам Ваксберга, у нас есть свидетельства того, что врач-стажер, проводивший обследование тела Полунина, зафиксировал, что он умер от диабетической комы.³⁸ В предшествующие годы было множество сведений об ухудшении здоровья Полунина после получения сильного сотрясения мозга во время Гражданской войны в России.³⁹ Генерал Шатилов в своих воспоминаниях отметил, что Полунин, работавший для него после Лозаннского процесса, действительно стал двойным агентом советской разведки. Однако это произошло не в период, о котором пишет Ваксберг, а только с 1932 года, по предложению Бурцева и с целью информирования белой эмиграции.⁴⁰ Ваксберг также прямо выдумывает, что и Иван Аренс и Максим Дивилковский, помощники Воровского, раненные Конради и ставшие главными истцами в Лозаннском процессе, погибли «при загадочных обстоятельствах» в 1933 году. На самом деле, Аренс был казнен 11 января 1938 года как «немецко-советский шпион» советской контрразведки после недолгого

³⁶ По состоянию на сентябрь 2023 года я до сих пор не нашел ни одного историка с этим именем или его вариантов (Серебрянников, Серебренников), за исключением некоего Александра Павловича Серебренникова (1880?-1927), работавшего в Смоленском Государственном Университете и недолговечном Государственном институте научной педагогики Ленинграда. См. «Александр Павлович Серебренников» // Культурное наследие Земли Смоленской. URL: <https://nasledie.admin-smolensk.ru/personalii/s/serebrennikov-aleksandr-pavlovich> (дата обращения: 11.06.2023). Учитывая темы исследований, маловероятно, что Ваксберг имеет в виду его.

³⁷ В единственной биографии Конради, Клименко упоминает, что «как выяснилось чуть позже, он [Полунин] был убит сотрудниками ОГПУ» (Клименко. Конради. С. 42), при этом автор не делает ссылки на свой источник.

³⁸ «Un russe est trouvé agonisant dans un train». Le Matin. 25.02.1933 г. Р. 3. Из хроники следует, что Полунин умер уже в больнице. В своих воспоминаниях генерал Павел Шатилов упоминал, что рядом с Полуниным в поезде была найдена «открытая пивная бутылка», подразумевающая отравление (без каких-либо доказательств), хотя на самом деле сам Шатилов и признает версию диабетического приступа (Шатилов. Записки. Т. 2. С. 213). История с пивом кажется перефразированием еще одной истории из мемуаров доктора Лодыженского, согласно которой Полунин также был отравлен пивом, находясь под стражей во время Лозаннского процесса (Lodygensky. Face au communisme. Р. 173; Лодыженский. От Красного Креста. С. 247). Лодыженский является единственным источником предполагаемого первого отравления в тюрьме. Крайне удивительно, что об этом ни разу не говорилось в суде, и поэтому это выглядит весьма надуманным.

³⁹ Например: Ю. И. Лодыженский – А. И. Гучкову. 1 января 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р5868. Оп. 1. Д. 236. Л. 316.

⁴⁰ Шатилов. Записки. Т. 2. С. 213.

пребывания на посту советского консула в Нью-Йорке (1935–1937),⁴¹ а Дивилковский погиб в бою во время Второй мировой войны в конце 1942 года.⁴²

Эти упущения показывают распространенность сенсационного подхода в литературе о Лозаннском процессе, которого я буду полностью избегать в настоящей работе.

Новизна исследования

Основной историографической проблемой, препятствующей глубокому пониманию Лозаннского процесса и Лиги Обера, является недостаточное введение в научный оборот источников на русском языке по данной теме. Введение в научный оборот новых источников не только потребует обновления существующих исследований, но также позволит предложить новые взгляды на сложную историю российской эмиграции, раннесоветские внешнеполитические стратегии и создание Лиги Обера. Анализ этих источников поможет пересмотреть прежние представления о многих темах, связанных с Лозаннским процессом, расширяя его историческое значение, масштабы и контекст. В основном, это — письма советских чиновников, агентов Лиги Обера и русских эмигрантов, большая часть среди которых ранее не была опубликована. Эти документы раскрывают новые аспекты жизни русской эмиграции до 1924 года, деятельности советского государства за его пределами, и стратегий взаимодействия с враждебным мировым сообществом. Они также проливают свет на европейский, послевоенный и постимперский контексты, на различие и изменение в дискурсе таких понятий как «правый» и «левый», на местные рецепции и интерпретации «фашизма» и «коммунизма», а также на распространение политических высказываний, основанных на гуманистических идеях в различных европейских судах.

⁴¹ Еремина Л.С. Рогинский А.Б. Расстрельные списки. Москва, 1937-1941 гг. «Коммунарка», Бутово. М.: Мемориал-Звения, 2002. С. 24.

⁴² Горелик Г. Москва, физика, 1937 год // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. Под науч. ред. В. Куманева. М.: Наука, 1995. С. 58. См. также Грезин, Убийство Воровского.

Следует подчеркнуть, что ни документы Лозаннской конференции, затрагивающие Лозаннский процесс, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ), ни абсолютное большинство документов в фонде Александра Гучкова в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) и в фонде Юрия Лодыженского в Гуверовском институте (далее – АГИ) в Стэнфорде, США, не упоминаются в существующей литературе. То же самое касается русскоязычных документов в архиве Лиги Обера в Женевской городской библиотеке. Данная диссертация становится первой работой, в которой привлекается внимание к большинству этих источников, находящихся в различных архивах разных стран. Без их учета невозможно комплексное осмысление как Лозаннского процесса, так и истоков Лиги Обера. Таким образом, новизна данного исследования проявляется в использовании и противопоставлении разнообразных источников, а также в применении глобального и целостного подхода к анализу связей между глобальными, транснациональными, локальными («российским», «швейцарским», «советским») уровнями и уровнем диаспор. Таким образом, в исследовании применяется мультиконтекстный подход.

Цель и вопрос исследования

Настоящее исследование преследует две цели, каждая из которых относится к одной из двух основных частей диссертации. Первая цель — дать представление о Лозаннском процессе и о том, как защита и обвинение вели подготовку к судебному разбирательству — тема, совершенно не раскрытая в немногочисленной доступной литературе. Каждая сторона Лозаннского процесса обвиняла противоположную сторону при помощи аргументов, которые зачастую не были новы, но которые, тем не менее, впервые были представлены в международном публичном дискурсе, вдали от России, с ее сильно поляризованными военными и политическими театрами. Кроме того, присутствие на суде корреспондентов из различных стран придало оправдательному приговору положительный резонанс в консервативных и некоторых либеральных обществах, укрепив негативное восприятие Советской России в Европе и за ее пределами. Как место для встречи этих противоречивых представлений о

коммунизме, судебный процесс стал местом, где были представлены различные конвенции, устанавливавшиеся с октября 1917 года в российском, европейском и западном контекстах.

Как я упоминал ранее, Лозаннский процесс был одновременно пунктом прибытия и отправной точкой антикоммунистического дискурса. В связи с этим вторая цель данной диссертации заключается в том, чтобы проследить континуум транснационального антикоммунистического дискурса, начиная с момента захвата большевиками власти в октябре 1917 года и завершая созданием Лиги Обера и его русской секции в июне 1924 года. Я намерен продемонстрировать влияние русской эмиграции на глобальный антикоммунизм в его организационных формах за несколько лет до и в течении нескольких лет после Лозаннского процесса.

Таким образом, моя кандидатская диссертация отвечает на исследовательский вопрос, имеющий в своем составе два подвопроса, которые можно сформулировать следующим образом. Каковы были стратегии советского правительства и русской эмиграции в Лозаннском процессе, в котором они выступали в качестве сил обвинения и защиты? Как «российское» дело стало предметом дискуссии транснационального масштаба, которая затем вылилась в создание первой глобальной антикоммунистической организации, и как эта дискуссия содействовала формированию определенного образа «большевизма/коммунизма» и его распространению на Западе к середине 1920-х годов?

Задачи исследования

- ❖ Восстановить в исторической памяти статус Лозаннского процесса 1923 года как одного из величайших политических процессов XX-го века;
- ❖ Проанализировать Лозаннский процесс как важную веху широких антикоммунистических дискуссий на Западе;
- ❖ Проанализировать советскую реакцию на убийство первого советского дипломата за рубежом, а выявить, какие особенности раннесоветской дипломатии и парадипломатии раскрывает подготовка Москвы к судебному процессу;

❖ Проанализировать активность русских эмигрантов, сконцентрированную вокруг Лозаннского процесса, и то, как они использовали международные форумы для разоблачения преступлений большевиков, в особенности исследовать деятельность Александра Гучкова и его важное значение как участника Лозаннского процесса;

❖ Оценить, какое значение имели усилия Александра Гучкова по защите подсудимых в ходе Лозаннского процесса для русской эмиграции и для формирования организованного глобального антикоммунизма;

❖ Установить, какие методы работы использовали сотрудники Лиги Обера и его русской секции, а также рассмотреть, какое влияние русские эмигранты оказывали на деятельность этой организации внутри и вовне нее.

Положения, выносимые на защиту

1. Лозаннский процесс, длившийся с мая по ноябрь 1923 года, является самым крупным отсутствующим в литературе о политических процессах XX-го века. Он должен рассматриваться в контекстах европейского мира 1923 года, а именно (а) формирования нового понятия морали после зверств Первой Мировой войны, (б) роста «экспертного» антикоммунизма и (в) швейцарских тревог после общей забастовки ноября 1918 г.

2. Лозаннский процесс был поводом для консолидации антикоммунистического дискурса, которая осуществлялась посредством идей и конвенций, на которых базировалась стратегия защиты. В то же время Лозаннский процесс также был отправной точкой нового глобального организованного антикоммунистического подхода в рамках Лиги Обера (1924-1950). Процесс дал Лиге Обера некоторые приемы и методы, которое она использовала в повседневной работе. Для советского правительства Лозаннский процесс не был приоритетным, так как во второй половине 1923 года институциональные подходы во внешней политике уже одержали верх, и советские государственные учреждения уже функционировали как действительная бюрократия, которая мешала выстроить одну ясную стратегию по отношению к процессу.

3. Роль Александра Ивановича Гучкова для стороны защиты в Лозаннском процессе – центральная. Успех в оправдании Морица Конради и Аркадия Полунина в суде в ноябре 1923 г. стал в большой степени результатом усилий Гучкова и его выбора партнеров, методов, свидетелей и средств помощи защите. Этот вклад Гучкова («последняя белая победа») является самым решительным в его противобольшевистском активизме в изгнании (после 1918 г.), о котором раньше даже ничего не было известно.

4. Судя по противопоставленным здесь источникам, нет никакого убедительного доказательства в литературе о Лозаннском процессе, которое подтверждает тезис о том, что существовала конспирация вне Конради и Полунина об убийстве Вацлава Воровского. Тем не менее, хотя бы одному лицу в Русской армии (которому Конради писал в Белград, как он сам признался) были известны намерения Конради лишить жизнь одного советского лидера с марта 1923 г.

5. Речь Теодора Обера в Лозаннском суде в письменной форме являлась самым важным предметом глобальной антикоммунистической пропаганды после суда и до появления фальшивки «письма Зиновьева» в октябре 1924 г., с которой речь была тесно связана.

6. Вклад эмигрантов из бывшей Российской империи в Лигу Обера имел разные формы от включения в структуру организации и ходатайства в ее рядах до предоставления информации с разных точек мира и создания национальных секций без официального участия в Лиге.

7. Несмотря на центральную роль белоэмигрантов в других его секциях и отделах, русская секция Лиги Обера являлась очень слабым приложением организации, так как ее поступательные методы борьбы с большевизмом не поддерживались многими белоэмигрантами.

Объект исследования

Объектом исследования является совокупность источников по истории Лозаннского процесса.

Предмет исследования

Предметом исследования является Лозаннский процесс, ставший важным этапом сбора и систематизации предшествующих антибольшевистских и антикоммунистических свидетельств, а также отправной точкой для воплощения глобального антикоммунизма в организационную форму Лиги Обера.

Методология исследования

Данная работа посвящена детальному изучению процесса, имевшего начало и конец, а также его причин и последствий. Понятие «процесс», существующее в разных языках, произошло от латинского слова *processus*, и часто используется для обозначения «судебного разбирательства». Настоящая диссертация посвящена конкретному процессу, имевшему место во второй половине 1923 года, в ходе которого Мориц Конради был обвинен в убийстве Вацлава Воровского и ранении Ивана Аренса и Максима Дивилковского, тогда как Аркадий Полунин был обвинен в качестве соучастника в преступлении. Убийство произошло в Лозанне, Швейцария, 10 мая 1923 года, и подсудимые были оправданы присяжными 16 ноября 1923 года. «Лозаннским процессом» я имену ю юридический процесс, длящийся эти шесть месяцев, отдавая себе отчет в том, что «Лозаннский суд» или «суд над Конради и Полуниным» продлился лишь одиннадцать дней (5–16 ноября 1923 г.). Таким образом, я изучаю процесс во всей его сложности, рассматривая судебные заседания только как его заключительная часть. Читатель может ознакомиться с отредактированной стенограммой судебного процесса, реконструированной современниками-российскими эмигрантами конца 1923 - начала 1924 года на основе разных источников (Приложение 1). Этот документ, хранящийся в фонде Александра Гучкова в ГАРФ, был напечатан на русском языке (переведен на английский автором диссертации). Документ, первоначально запланированный к публикации в 1924 году с целью историзации Лозаннского процесса, в итоге и не был опубликован, несмотря на свою амбициозность.

Я считаю, что анализ всего процесса, а не только судебного разбирательства, поскольку весь шестимесячный Лозаннский процесс исследован недостаточно (см.

раздел «Степень научной разработанности темы» ниже). Концентрация только на судебном разбирательстве может привести к искаженному восприятию событий, к распространению мифов и анекдотических рассказов, как это демонстрирует литература о Лозаннском процессе. Весь процесс, включая сбор доказательств, проведение допросов свидетелей, подготовку документов, финансирование и, в общем, весь проделанный сторонами труд, нигде должным образом не освещен. Множество важных источников остаются за бортом историографии, особенно русскоязычные источники.

В то же время Лозаннский процесс включен в множество пересекающихся контекстов, от глобального до локального, которые до сих пор не были учтены; настоящая диссертация призвана восполнить этот пробел. Лозаннский процесс невозможно понять во всей его сложности, если не признать, что он одновременно является послевоенной, постимперской, «западной», «европейской», глобальной, транснациональной, антикоммунистической, «русской», «советской» и «швейцарской» историей, историей диаспор, историей морали и права. Решение этой задачи требует мультитекстного подхода, который, будучи сложным, является необходимым, расширяя границы не только национальной истории, как это характерно для глобальной и транснациональной истории, но и избегая излишней описательности, свойственной многим работам по глобальной и транснациональной истории (во многих недавних исследованиях трансграничные обмены, путешествия, «связи» приводятся в качестве доказательства того, что мы должны покончить с историей отдельных государств). Конечно, эта последняя — закрытое поле само по себе, но часто «транснациональный подход» не подразумевает проведение анализа конкретных событий. Как я уже упоминал, историки, следующие этой интерпретационной линии, часто считая достаточной описательную регистрацию новых фактов, склонны идентифицировать определенные перемещения людей как «транснациональные» или «глобальные» лишь только потому, что они пересекали границы, независимо от содержания их работы на месте.⁴³

⁴³ Matos Franco R. Socialist Internationalism and National Classifications at the Comintern Schools (1922-1943) // *Ab Imperio*. 2021. No. 3. P. 138-145. Хорошим примером, упомянутым там, являются многочисленные ссылки в литературе о Коммунистическом Интернационале (Коминтерне) на

Только мультиконтекстный подход, который применяется в данной диссертации, способен адекватно сбалансировать различные слои, на которых разворачиваются события и действуют различные актеры. Это особенно важно, когда речь идет об обмене идеями (антикоммунизм) через национальные, идеологические и языковые границы, а также о разрозненной диаспоре, такой как русская эмиграция, которую нельзя определить исключительно как «национальную» или даже «транснациональную». Таким образом, Лозаннский процесс предлагает благодатную почву для мультиконтекстного, междисциплинарного анализа, охватывающего национальные, международные и транснациональные, политические, социальные, моральные, культурные и даже экономические уровни более широкого мирового контекста 1923 года — первого года без войны в Европе за более чем десятилетие.

Теоретическая и практическая значимость исследования

С точки зрения теории и методологии исторического исследования, данная диссертация представляет собой пример мультиконтекстуального подхода, который анализирует различные и перекрывающиеся контексты, связанные вокруг одного события не только в описательной форме, но изучая взаимопроникновения и переплетения с точки зрения идеологий, политических культур и дискурсов. Этот метод открывает путь к глубокому пониманию различных взглядов на социальные, политические и правовые изменения в европейских обществах в конкретный момент времени. В других историографических традициях справедливость и идеи о справедливости часто анализируются с точки зрения процессуальных критериев, тогда как данная работа, сосредоточенная на одном судебном процессе, показывает, что эти понятия невозможно изучить без надлежащей целостной работы с контекстами. Говоря более конкретно, диссертация делает вклад в расширение

разнообразную деятельность Михаила Бородина, агента Коминтерна, который путешествовал по многим странам (Швейцария, Доминиканская Республика, США, Мексика, Англия, Китай) с различными миссиями и, таким образом, является фигурой, перевозимой как один из тех «транснациональных» агентов с «множественными паспортами», которые, как утверждается, имеют значение только потому, что они много путешествовали. При более детальном рассмотрении оказывается, что действия Бородина были направлены на защиту национальных интересов. Ярким примером тому служит его миссия в Китае, где он поддерживал китайских националистов за счет местных коммунистов, и помогал националистам воссоединить часть страны под своей властью.

понимания политических процессов в XX веке, не только проливая свет на неисследованные грани Лозаннского процесса, но и делая новые выводы для изучения современных политических процессов в целом.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности ее использования в учебных курсах. Эта работа потенциально может быть включена, например, в программы курсов по современной Европе, поскольку она может служить слепком 1923 года, а также политических и социальных тенденций и тревог, охвативших континент в то время, в первые послевоенные годы. Диссертация также может быть использована в курсах по истории права и истории правосудия как яркий пример карательного правосудия, в котором основное внимание уделяется юридическим аргументам, лежащим в основе оправдания Конради и Полунина. Эта работа также могла бы принести большую пользу курсам по антикоммунизму, рассматривающим его истоки и первые попытки связать русскую эмиграцию и ее борьбу против Советской России с более широким транснациональным дискурсом в организованной форме. Наконец, любой курс по истории советской дипломатии мог бы использовать вторую главу как хороший пример того, как принимались ранние советские внешнеполитические решения.

Источниковая база

Основной источниковой базой диссертации является широкий массив архивных материалов, дополненный опубликованными материалами. В основном он основан на письмах, большинство из которых были написаны в личных обстоятельствах и не планировались в то время для публикации. Источники, касающиеся сетей и переписки русской эмиграции, в основном находятся в ГАРФ. Диссертация в частности опиралась на фонды таких эмигрантов, как Александр Гучков (Ф. Р5868), Николай Чебышев (Ф. Р5955), Алексей Лампе (Ф. Р5853), Петр Врангель (Ф. 10003, Оп. 2) и Юрий Лодыженский (Ф. 10143, Оп. 43). Последний представляет собой копию фонда Лодыженского в АГИ (первоначально хранившееся в Музее русской культуры в Сан Франциско), материал, который я заказал онлайн и который был доставлен мне в гораздо лучшем качестве, чем копия, которая хранится в микрофильме в ГАРФ. Это

является значительным преимуществом, особенно когда речь идет о различении почерка эмигрантов в старой орфографии до 1917 года. ГАРФ также хранит документы российской дипломатической миссии в Швейцарии, 1917-1925 гг. (Ф. Р5760) и даже некоторые документы Постоянного бюро Лиги Обера (Ф. Р6080), копии некоторых материалов находятся в архиве самой Лиги Обера в Женевской городской библиотеке, документы которого я также исследовал (см. ниже). Личное военное дело Конради до конца 1917 г. можно найти в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), Ф. 409/1/40-193.

Помимо ГАРФ и АГИ материалы по советской внешней политике, Лозаннской конференции и дискуссиям Политбюро находятся в основном в Российском государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) и, особенно, в труднодоступном АВПРФ. В РГАСПИ хранятся протоколы и решения Политбюро за рассматриваемый период (Ф. 117, Оп. 163, Д. 332-378), а также личные фонды Вацлава Воровского (Ф. 92), Максима Литвинова (Ф. 359), Георгия Чичерина (ф. 159) и Карла Радека (ф. 326). В свою очередь, документы, находящиеся в АВПРФ, представляют собой чрезвычайно ценный источник для Лозаннской конференции (Ф. Лозаннская конференция/421), где находятся отдельные папки, посвященные убийству Воровского, расследованию этого дела, переписке между ключевыми фигурами обвинения и Москвой, и вся подготовка к суду. Эти документы также включают ценные мнения советских чиновников о «сменовеховстве». Такая тенденция в русской эмиграции и ее заметный интерес к Лозаннскому процессу нашли свое отражение в номерах берлинской ежедневной газеты «Накануне», полностью доступной в бумажном виде в Центре общественно-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИИБ) в Москве.

Благодаря щедрой финансовой поддержке программы «Академическая аспирантура» Высшей Школы Экономики мне посчастливилось поехать в Швейцарию в июне-июле 2022 года на научную стажировку в архиве Лиги Обера, расположенном в Женевской библиотеке. Большую пользу моей работе принесли файлы, расположенные в следующих фондах: Постоянное бюро (3011-3012), *Entente Internationale contre la IIIe Internationale* » (3038), Русская эмиграция (3086-3088),

Англия (3062), Финляндия (3102), Франция (3104–3185), Польша (3126), Испания (3089–3090) и Южная Америка (3061). Дополнительным источником для расследования, развития событий, судебного разбирательства и вырезок из прессы этого процесса были Водуаские кантональные архивы в Лозанне (досье S. 112, SB 13'961, SB 100/8). Мне не удалось поехать в Берн, где находится настоящая стенографическая версия судебного процесса, о чем я тогда не знал (я ошибочно полагал, что они проходят в Лозанне). Именно поэтому в Приложении 1 я привожу версию протокола, найденную в фонде Гучкова в ГАРФ, которую он с коллегами, участвовавшими в Лозаннском процессе, готовил для несостоявшейся публикации в конце 1923 — начале 1924 года.

Я осознаю ограниченность работы, учитывая, например, отсутствие ценных документов, находящихся в американских архивах и Архиве ФСБ на Лубянке. Тем не менее, было много публикаций, включающих некоторые документы советского Государственного политического управления (далее - ГПУ), затрагивающие Лозаннский процесс, и я использовал их в диссертации. Еще одним ограничением является то, что, хотя я читаю на испанском, английском, французском, итальянском и русском языках, я не говорю по-немецки и читаю лишь на самом базовом уровне. Поскольку история частично происходит в Швейцарии, это действительно является препятствием для более полного понимания всего дела, особенно в отношении немецкоязычной швейцарской прессы.

Пресса играет ключевую роль в восприятии преступления Конради, его последствий и разнообразной реакции на приговор. Местная пресса французской Швейцарии, в основном из кантонов Женева и Во (где расположена Лозанна), выделена в диссертации на первое место как главный собиратель настроений, доведших процесс до безумия. Ежедневные, даже два раза в день, обзоры наиболее важных журналов этих кантонов («*Journal de Genève*», «*Gazette de Lausanne*», «*Tribune de Lausanne*»), возможно, являются наиболее информированным источником для судебных и внесудебных событий и показаний свидетелей, и к ним можно получить совершенно бесплатный доступ в Интернете. Международной прессе было выделено почти 70 мест на суде, и чрезвычайно важно предоставить информацию за пределами

Швейцарии, которая показывает современную привлекательность речи Теодора Обера как величайшего осуждения коммунизма, когда-либо существовавшего в то время. Немецкую прессу цитирую только через третьих лиц, так как сам мало понимаю по-немецки. Русская эмигрантская пресса также является очень важным источником освещения процесса и множества мнений, выражаемых в ней, через газеты, такие как советофильская (и оплачиваемая Советским Союзом) «Накануне», а также газеты из антисоветского лагеря, такие как «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), «Дни» (Берлин), «Русь» (София), «Новое Время» (Белград), «За свободу!» (Варшава) и другие. Полный список источников прессы представлен в разделе «Библиография» в самом конце диссертации.

Мемуары, так же были очень важны для данного исследования. Я постоянно использовал на протяжении всей работы воспоминания доктора Юрия Лодыженского. Он начал писать их в начале 1960-х годов в Бразилии, очевидно, на русском языке, а более поздняя французская версия в конечном итоге разделилась на разные части. Одна рукопись попала в Бахметьевский архив Колумбийского университета, но существует несколько версий (позже его сыновья отредактировали и перевели некоторые рукописи с французского на русский). На русском языке вышло два издания. Я цитирую второе из 2013 года, которое является более полным, но я также цитирую французскую версию из 2009 года, опубликованную издательством Слаткиным при участии Мишеля Кайя в сотрудничестве с сыном Лодыженского Юрием. Действительно, между русской и французской версиями имеются некоторые различия, которые должным образом отмечаются на протяжении всей работы, где это необходимо. Как я уже сказал, очень ценным источником являются также мемуары генерала Павла Шатилова, которые увидели свет на русском языке только в 2017 году, хотя ранее в виде документов с ними обращались некоторые историки в Бахметьевском архиве. Благодаря этой публикации мы более подробно знаем о роли Гучкова и Полунина до, вовремя, и после Лозаннского процесса, а также о роли российской армии в этом деле. Другие мемуары, например, воспоминания Виктора Сержа или генерала Александра Лукомского, полезны для некоторых конкретных разъяснений.

Хронологические рамки

Начало хронологических рамок исследования относится к убийству Воровского 10 мая 1923 г. Весь Лозаннский процесс, очевидно, вытекает из этого момента. Судебный процесс завершился 16 ноября 1923 года оправданием Конради и Полунина, но, как я уже сказал, Лозаннский процесс стал местом, в котором были собраны конвенции антикоммунистического дискурса, бывшие в ходу с 1917 года.

Но оправдание также стало отправной точкой к новому пониманию того, каким должен быть глобальный организованный антикоммунизм, с созданием Лиги Обера в июне 1924 года. В антикоммунистическом дискурсе я прослеживаю эти усилия сразу после завершения Лозаннского процесса и вплоть до разрыва его «закулисных» действующих лиц среди русских эмигрантов (Александра Гучкова, Владимира Гурко) с Лигой Обера осенью 1924 года. Некоторые необходимые упоминания о событиях, происходивших после 1924 г. сделаны также в главах 3 и 4, чтобы проследить влияние Лозаннского процесса и Лиги Обера на эмигрантскую общественную дискуссию. Однако анализ как таковой прекращается с этим самым разрывом около сентября-октября 1924 года, что оправдано, поскольку дистанцирование Гучкова и Гурко от Лиги Обера знаменует собой конец ранее плодотворного сотрудничества, начатого с июня 1923 года для достижения того, что я назвал «последней белой победой», то есть оправдание Конради и Полунина по итогам Лозаннского процесса в ноябре 1923 года. Для облегчения понимания хронологии событий, представленных на протяжении всей диссертации, в конце работы представлена Хронология.

Структура и краткое содержание исследования

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и четырех приложений. Первые две главы составляют «Часть I» работы, а последние две относятся к «Части II».

Часть I

В первой главе, «Исторические контексты: мир, новая мораль, антикоммунизм и швейцарские тревоги», представлены четыре пересекающихся исторических

контекста от общего к частному, в которых заключено убийство Воровского. Первый контекст — это европейский *Zeitgeist* 1923 года, первого года без войн на континенте более чем за десять лет, когда послевоенная международная политика, движимая прагматичной, ревизионистской позицией британского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа, пытается приспособиться к государствам-изгоям, возникшие на руинах империй (Веймарская Германия, Советская Россия, Турецкая Республика). Второй контекст представляет три предыдущих политических процесса, предшествовавших делу Конради и Полунина. Это были процессы Авни Рустеми в декабре 1920 г., албанского активиста, убившего бывшего премьер-министра Эсада-пашу в Париже; Согомона Тейлеряна в июне 1921 г., армянский революционер, убивший бывшего министра внутренних дел Османской империи Талаата-пашу в Берлине; и Йордана Цицонкова в ноябре 1923 г., македонский революционер, убивший в Праге бывшего болгарского министра Райко Даскалова. Во всех трех случаях убийцы были оправданы и, таким образом, послужили юридическими предшественниками Лозаннского процесса, тем более что адвокат Морица Конради, Сидни Шопфер, ссылаясь на них всех в своем заявлении в суде. У каждого из них была своя стратегия защиты, позволяющая превратить судебные процессы в разоблачение прошлых «зверств», успешно перекалывая вину с сознавшихся убийц на самих убитых. В этом смысле они помогают понять новые сложности в европейском дискурсе справедливости и морали после Первой мировой войны, становясь первыми примерами политических процессов, основанных на сочетании «моральных свидетелей» и «томов документов».⁴⁴ Третий контекст, анализируемый в первой главе, представляет новый феномен в западном политическом дискурсе после 1917 года: глобальный антикоммунизм, проявленный в фигурах «экспертов», которые превратили эту тему в попытку научных амбиций, посредством которой то, что я называю «реально существующим большевизмом», можно было перевести и сделать понятными в повседневном понимании. Наконец, и неумолимо, я рассмотрю особенности швейцарского политического контекста до Лозаннского процесса, а именно сильные антикоммунистические настроения, возникшие из-за опасений по

⁴⁴ Garbarini. A. Document Volumes and the Status of Victim Testimony in the Era of the First World War and Its Aftermath // *Études Arméniennes Contemporaines*. 2015. No. 5. P. 113.

поводу окончания Первой мировой войны, которые привели к всеобщей забастовке в Швейцарии в ноябре 1918 года. Эти факты объясняют особые взгляды таких швейцарских лиц, как сам Теодор Обер, а также общие антикоммунистические настроения во франкоязычной Швейцарии, где проходил Лозаннский процесс.

Глава вторая, «Неудивительное поражение. Советская реакция на Лозаннский процесс», представляет наименее известную часть всей этой истории, а именно реакцию советского правительства на убийство его первого представителя за рубежом, Вацлава Воровского, и то, как различные деятели советской власти пытались способствовать счастливому результату Лозаннского процесса – в конце неудачно. Глава основана на неопубликованных документах, находящихся в АВПРФ. Главный аргумент главы заключается в том, что, вопреки распространенному мнению о «тоталитарном» функционировании советской бюрократии, конкретный контекст 1923 года (особенно после изоляции Ленина) не позволил внести весомый вклад в Лозаннский процесс, особенно потому, что он даже не был приоритетом в Москве. Различные советские правительственные структуры и ведомства позволили себе дистанцироваться или внести свой вклад в этот процесс по-разному, но каждый сосредоточился на своих собственных интересах. Исключением в этой схеме был Народный комиссариат иностранных дел, и особенно заместитель наркома Максим Максимович Литвинов, который продолжал настаивать на умеренном, институциональном, но решительном ответе на убийство Воровского. Эта глава также является хорошим индикатором состояния советской дипломатии и парадипломатии на пути к международному официальному признанию. Здесь роль течения *Смены вех* в русской эмиграции была решающей. Лозаннский процесс показал, что сменовеховство по-прежнему актуально правительству для выражения советофильских настроений за границей и что она даже пережила определенное оживление, отчасти благодаря усилиям обвинения (лидер *Смены Вех* Юрий В. Ключников был отправлен из Москвы в Лозанну в качестве свидетеля в суде).

Часть II

Вторая часть работы посвящена еще одному более широкому контексту, заслуживающему внимания обширного пространства: русской эмиграции и ее вкладу

в глобальный антикоммунизм. Таким образом, в третьей главе, «Большевизм на скамье подсудимых. Александр Гучков, Лозаннский процесс и «последняя белая победа», исследуется активизм русских эмигрантов, участвовавших в Лозаннском процессе. Особое внимание уделяется Александру Ивановичу Гучкову, который без ведома историографии за небольшими исключениями запустил целую рабочую динамику по сбору информации и обмену фактами среди различных эмигрантских сетей в нескольких странах, чтобы предоставить адвокату Оберу необходимые доказательства, свидетелей и финансирование, чтобы превратить Лозаннский процесс в обвинение большевизму. Эту моральную победу эмигрантов я называю «последней белой победой», значительным моральным подъемом эмиграции в период после Гражданской войны. Однако, несмотря на все эмоции, которые она вызвала, последняя белая победа продлилась недолго: она была прервана официальным признанием советского правительства рядом европейских стран на протяжении 1924 года, особенно Великобританией и Францией. В этой главе также выявляется отношение других эмигрантов к Лозаннскому процессу как к вдохновению и основе, как я утверждаю, для их последующей активности в письменной форме, в работах, которые позже станут основными в эмигрантской научной литературе, например, *«Красный террор» в России* Сергея Петровича Мельгунова (1923), *Великое отступление* Николая Сергеевича Тимашева (1946) и другие.

Последняя глава, «К методам...». Русские эмигранты, Лига Обера и организованный антикоммунизм (1923-1924)», посвящена частному случаю участия русских эмигрантов в глобальном антикоммунизме, а именно вовлечению некоторых из них в Лигу Обера с момента его основания в июне 1924 года, что было главным конкретным результатом усилий, вложенных в Лозаннский процесс со стороны защиты. В главе особое внимание уделяется послесудебным стратегиям различных лиц с целью продолжения борьбы с большевизмом после последней белой победы. Я рассматриваю, с одной стороны, путь, по которому пошли Теодор Обер и доктор Юрий Ильич Лодыженский при создании Лиги Обера как глобальной антикоммунистической организации, применяющей определенные методы работы, а с другой – параллельную работу эмигрантов, таких как Александр Гучков и Владимир Гурко, и их участие в Лиге Обера на заре ее существования. Таким образом, эта

последняя часть подчеркивает множество интерпретаций «методов борьбы» с большевизмом, которым следовала Лига Обера, и предельную дистанцию, на которую отошли от нее многие эмигранты после того, как их причислили к основателям Лиги Обера и ее «русской секции». В нем рассказывается история о том, почему твердое рабочее единство, которое Гучков создал для поддержки защиты на Лозаннском процессе, распалось через несколько месяцев после оправдания Конради и Полунина.

В заключении представлены основные результаты исследования диссертации и предположение о будущих возможностях исследований по данной теме.

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность исследования определяется широким кругом исторических источников, отобранных в соответствии с целями и задачами работы и составившими источниковую базу исследования.

Результаты работы были представлены и обсуждены в двух семинарах, одной международной конференции и на одном мастер-классе:

1. Семинар «Seminario de economía y relaciones internacionales», Монтеррейский институт технологий и высшего образования. Пуэбла, Мексика. 16 мая 2023. Доклад: «An Unsurprising Defeat. The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process (1922-1924)».

2. Семинар «Hispona», Факультет географии и истории Университет Сантьяго-де-Компостела. Сантьяго-де-Компостела, Испания. 20 октября 2022. Доклад: «¿La amistad de los pueblos? Clasificaciones nacionales en las escuelas de la Comintern, 1922-1943».

3. Мастер-класс в рамках курса профессора Хосе Фаральдо «Cultura y vida cotidiana en el socialismo de Estado». Университет Комплутенсе. Мадрид, Испания. 26 октября 2023. Доклад: «Clasificaciones nacionales en las escuelas de la Comintern, 1922-1943».

4. Международная конференция «National Liberation, World Revolution: Anti-Colonial Networks and the Origins of Global Communism, 1914-24». Лиссабонский

университет НОВА. 26-27 ноября 2021. Доклад: «Socialist Internationalism, Colonialism, and National Classifications at the Comintern Schools (1922-1943)».

Основные публикации автора в журналах, включенных в список журналов высокого уровня, подготовленный в НИУ-ВШЭ, а также индексируемых в базах Scopus и Web of Science:

1. Matos Franco, R. The Conflicting Soviet Responses to the Lausanne Process, 1922-1924 // Вестник МГИМО университета. 2023. № 3. P. 81-108. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-3-90-81-108>.

2. Matos Franco, R. The Last White Victory. Aleksandr Guchkov and the Conradi-Polunin Process of 1923 // Revolutionary Russia. 2023. Vol. 36, No. 1. P. 76-99. URL: <https://doi.org/10.1080/09546545.2023.2210006>.

3. Matos Franco, R. Socialist Internationalism and National Classifications at the Comintern Schools (1922-1943) // Ab Imperio. 2021. No. 3. P. 136-165. URL: [10.1353/imp.2021.0056](https://doi.org/10.1353/imp.2021.0056).